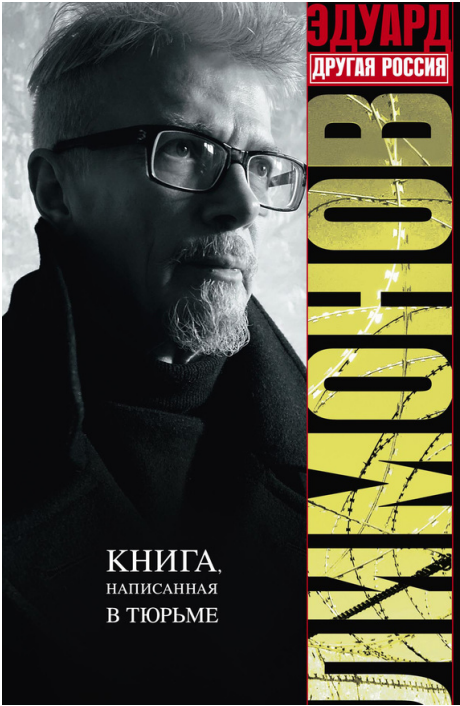

Эдуард Вениаминович Лимонов

Другая Россия

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155268
Другая Россия: Ультра. Культура; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-05724-2

Аннотация

Эта книга была написана Э. Лимоновым в тюрьме. Большой русский писатель и активный общественный деятель изложил теорию создания новой России. Другой России – без чиновников, коррупции и ментовского беспредела. России свободной, сильной и независимой. России, которой мы все будем гордиться.

Содержание

Предисловие. I have a dream...	5
Лекция первая. Монстр с заплаканными глазами: семья	7
Комментарий к статье Гэпзухова	11
Лекция вторая. Schooling: они украли у вас детство	13
Лекция третья. Самый угнетенный класс	17
Лекция четвертая. Все началось с Китая	22
Лекция пятая. Откуда берутся старухи?	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эдуард Лимонов

Другая Россия

© Лимонов Э., 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление «Издательство Центрполиграф», 2015

Предисловие. I have a dream...

Я совсем было забыл, что написал книгу «Дисциплинарный санаторий», где размышлял над устройством современного общества. Сегодня вспомнил в связи с тем, что получил письмо, где меня один пацан из Сибири настырно спрашивает, чего же мы, НБП, хотим, какое общество хотим построить. На Западе сейчас считается счастливой монотонная долгая жизнь по стандартам западной цивилизации. То есть нетяжелая работа, какая-нибудь служба с бумагами связанная, всю жизнь одна неразрывная карьера, потом – пенсионный возраст, и после – безбедное существование пенсионера, и смерть в глубоком бессилии старости. Государства западных стран подавляют человека, оставляя ему только одну разрешенную самостоятельную активность – охоту за самками. В остальном западный человек крайне ограничен в своей жизни законами. Человека поработили и одомашнили. В СССР был другой строй, но и там человека поработили и одомашнили. Вообще современного человека приучили к тому, что ему всё нельзя, что он должен только работать как дурной всю свою жизнь и потом, не бунтуя, умереть. Качественной считается жизнь сытого раба. Идеал: семья – живущая в браке пара. Так быть на самом деле не должно. Существо, с самого рождения обреченное умереть, не должно быть каким-то дурным выючным мулом или той слепой лошастью, что ходит запряженная по кругу, вынимая из реки воду и выливая ее в арыки и на поля. Нужно взбунтоваться. Нужно придумать, вычислить для нас, для нашей группы, для тех людей, кого мы считаем своими, другую модель жизни и навязать ее. Но прежде всего нужно создать новую нацию. Вокруг все время говорят: «русские», «мы – русские», «я – русский», «для русских». А под этой этикеткой скрываются самые разные люди. И Ельцин оказывается русский, и сизый алкаш, и грязный бомж, и активный сперматозоид Кириенко. Если они – русские, то я тогда нерусский. Что же надо делать? Надо отбирать людей для новой нации. Пусть она будет называться как-то иначе, пусть не русские, но, скажем, евразийцы или скифы. Не суть важно, но новую нацию надо создавать на других принципах, не по цвету волос или глаз, а по храбрости, верности принадлежности к нашей общине.

Нужны будут дети от новых людей. Много детей нужно будет, чтобы нация быстро выросла. Потому нужно разрешить многие виды семьи: те, что ведут к небывалому размножению. Разрешить полигамию, свободные содружества. Женщины должны бесконечно беременеть и приносить плоды. Детей же будет содержать и воспитывать община. И жить и воспитываться они будут среди взрослых. И уже с возраста, ну, скажем, десяти лет. Сейчас детей гноят в скучных школах, снабжая их мозги и память насильно на фиг не нужной никому пылью. Образование станет коротким и будет иным. Мальчиков и девочек будут учить стрелять из гранатометов, прыгать с вертолетов, осаждать деревни и города, освежевывать овец и свиней, готовить вкусную жаркую пищу и учить писать стихи. Будут спортивные состязания, борьба, свободный поединок без правил, бег, прыжки. Читать будут стихи Николая Гумилева и книги Льва Гумилева, целые поколения будут, согласно заветам Константина Леонтьева, выучены любить Восток. Понимать красоту синей степи и рыжих гор. И всю мерзость бетонных бараков в снегах, мерзость московских спальных районов.

Будем ли мы производить оружие? Конечно будем. Будем вести войны. Но не такие, как прежде, не фронт на фронт. Наши будут просачиваться на их территории, знакомить их людей с нашим образом жизни и идеями, и самые здоровые и сильные из них станут нашими, нашей нацией. А потом будут вторгаться наши отряды и добивать несогласных.

Нам нужна будет земля. Мерзлая Россия захвачена лапами нетворческих тупых администраторов, нищих духом. Нужно будет уйти из России, свить гнездо на свежих центральных землях, отвоевать их и там дать начало новой невиданной цивилизации свободных вои-

нов, сплоченных в вооруженную общину. Кочующих по степям и горам, воюющих в южных государствах.

Многие типы людей вынуждены будут исчезнуть. Алкогольные дяди Васи, менты, чиновники и прочий бракованный материал, потеряв свои корни в обществе, вымрут. Вооруженную общину можно будет назвать «Государство Евразия». Так осуществляются мечты евразийцев 30-х годов. С нами захотят быть многие. Возможно, мы завоюем весь мир. Люди будут погибать молодыми, но это будет весело. Трупы героев будем сжигать.

А какой смысл совершать революцию, если ее цель – только захватить министерские посты, вульгарные кабинеты. Мы должны будем сменить все. И придумать себе Нового Бога, возможно, какой-нибудь тунгусский метеорит или железную планету в холоде Космоса. Нашим Богом будет тот, кто даровал нам смерть. Может, нашим Богом будет Смерть. Так что, как Мартин Лютер Кинг, I have a dream. Но его dream была бедненькая, убогенькая...

Лекция первая. Монстр с заплаканными глазами: семья

Твой отец инженер или работяга – злой, худой, неудачливый, время от времени надирается. А то и вовсе никакого папочки в семье, мать – в облезлой шубейке. Глаза вечно на мокром месте, истеричная, измученная, говорит голосом, в котором звучат все ахи и охи мира. Мать всегда жалко, к отцу никакого уважения. Он – никто, когда пьян, ругается с телевизором. Вонючий братец (вариант: вонючая бабка) – после него противно войти в туалет. Квартира о двух комнатах: слишком много мебели плюс ковры, коврики, половички, шторы. Мало света.

Вечные: «Выключи свою музыку!», «Убери эту порнографию со стены!», «Я тебя кормлю!» и прочие стенания, прелести жизни в семействе. Книг мало, только твои: Гитлер, Ленин, Дугин, Лимонов, «Лимонка»... Семья, сучий потрох, гнойный аппендицит, группа тел, сжавшихся воедино во взаимном объятии страха: «Саша, не выходи на улицу, там у подъезда какие-то парни!» Семья обучает бояться, трястись, усираться от страха. Это школа трусости.

Квартира, полученная с адским трудом или купленная с огромным трудом, кооперативная, в последние годы советской власти. У родителей вся жизнь ушла на эту квартиру. Экономил, копили, собирали, купили. Потом счастливо обживали бетонный кубик, соту во многоподъездном, многоквартирном человечнике. Любовно сверлили, клеили, годами подбিরали дверные ручки. На план обустройства лоджии ушел год. Еще три на возведение рам и стекол. За четыре года завоевывают царства, Вторая мировая война пять продолжалась, а тут лоджия. Ее забили старыми тряпками и втиснули тебе раскладушку. Квартира – как тюремная хата, где сокамерников не выбирают, как камень на шее эта квартира, который нельзя бросить, и оттого нравы какого-нибудь Южного Бутова почему-то должны быть твоими, а ты его, Южное, или какой там район, презираешь до рвоты.

Ты уже бреешься, а эта, блин, унижительная крепостная зависимость от жилплощади родителей, ты тут прописан, записан, чтоб вам всем, падлы, как крепостной! И когда у тебя будет твоя клетка, где можно повесить то, что ты хочешь – хоть флаг НБП?! Когда, никогда!.. 25 тысяч баксов у тебя будут никогда. Девочку привести некуда. Какая тут нате вам полноценная жизнь. У пенсионеров есть не только пенсии, у них есть квартиры, потому к ним ласково обращаются власти, агентства, жулики, убеждая продать ее, отдать в ренту, пенсионеры нужны.

Семья: липкая, теплая навозная жижа, где хорошо отлежаться дня два, от побоев физических, в драке, и от моральных увечий. Но семья, как чахотка, ослабляет человека, изнуряет своей картошкой с котлетами, своей бессильной беспомощностью. Врываються завтра какие-то чужие, менты, чурки, даже защититься нечем. А мать защитить, а сестру? С ними чувствуешь себя еще более уязвимым.

В книгах и фильмах есть храбрые крутые герои. Были в начале века национал-социалисты, фашисты и большевики, они покорили вначале свои страны, а позднее и чужие. Они шли стройными рядами, красивые, в барабанном бое и шелесте знамен, молодые, и земля ложилась под них, как женщина, радостно. Пришел отец: «Опять читаешь про своих фашистов! Никогда этого не было, не было!» Сел в кухне и чавкает...

Все вышеизложенное – лишь попытка воссоздания чувств пацана-подростка, юноши в семье. К этому можно добавить патологии, она нередко присутствует в жизни, – жиреющую маму, маму с сумками, как тяжелоатлет, не женщина, а бидон какой-то, выючное животное, верблюд; блевотину хрюкающего отца, но обойдемся без чернухи. Результат моих размыш-

лений: советская власть, сука, успешно окрепостила семью квартирой. Всех привязали на цепь, оякорив квартирой. Ибо квартира в мерзлом российском климате – это разрешение на жизнь. Про писка, квартира, работа – вот ассортимент ржавых тяжелых цепей, с помощью которых современный русский прикован к месту, недвижим, и более несвободен, чем русский XVII или XVIII века. Тогда можно было сбежать на Дон, к казакам, к Разину, к Пугачеву. Куда сбежишь при подполковнике Путине, везде облавы и несвободно нигде.

Письма в нашу газету «Лимонка», будучи главным редактором, я читал их пять лет все, дышали злобой и отвращением к российской действительности и к семье. Пацанов не устраивали их мелкие, тусклые (или даже поганые) родители. Преобладало настроение блатной песни: «Родную мать зарезал / Отца я зарубил / Сестренку-гимназистку / В уборной утопил». Эти же чувства выразил отлично американский режиссер Оливер Стоун в фильме «Прирожденные убийцы» (мы его радостно рецензировали в первых номерах «Лимонки»). В фильме герой Мики принес кровавый ливер из мясного магазина в семью своей будущей подружки. Мики – рассыльный. Гнусный вульгарный папа в семейных трусах, вожделеющий дочь, патологическая мама, младший братик – семейка монстров. Прямыми кишками, вонючими колбасами какими-то живут они на земле, обмениваясь криками. Нововлюбленная пара убивает родителей и бежит. Сквозь гротеск сияет нестерпимо подлинная солнечная ненависть к семье.

С российской семьей все еще более неладно, чем с американской. Как правило, детям не за что уважать своих родителей («черепа» – красочно и точно называют их панки), – в подавляющем большинстве своем жертв жизни и жертв произошедших в стране катастрофических «реформ». Жилплощадь в РФ сейчас еще более недоступна, чем при советской власти, в результате дети пересиживают в семье, вынужденно живут с родителями дольше, чем это здорово. Создается неприятная обстановка, когда взрослые дети живут со стареющими родителями, дыша друг другу в затылок, употребляя один и тот же туалет, вынужденно разделяя интимную жизнь друг друга. Мать по природе своей считает сына своей собственностью и потому подсознательно хочет продлить свою власть над ним. А отец над дочерью. А в одной квартире это возможно сделать. Результат такого общежития отлично виден в Чечне (особенно был виден в 1-ю войну). Это не боевые качества чеченского бойца преобладали над качествами русского солдата, но чеченское воспитание мужчины значительно преобладает над воспитанием парня в русской семье. Отсюда и возник феномен «наших мальчиков», которых хватают в плен жестокие чеченские бородачи. Русские пацаны пересиживают в теплых гнездах добрых пять – десять лет дольше, чем нужно, и влияние дебели, доброй, стокилограммовой российской славянской мамы превращает их к призывному возрасту в тесто. Чеченский пацан с сопливого возраста крутится среди мужчин. Наш проводит слишком много времени среди женщин. Российская семья удушает мужчину. (Разумеется, существуют исключения, из деревень и маленьких городков приходят более мужественные пацаны.) Для правильного становления мужчины пацана надо как можно раньше изымать из семьи. Это вредное место, как Чернобыльская АЭС.

У меня были неплохие родители, но я все равно придумал как-то, что на самом деле я их приемный сын. Родители узнали и обиделись. Вообще-то это распространенное явление, когда детей удручает обыденность родителей. Хочется, чтоб отец был героем: чемпионом по боксу, революционером, генералом разведки, боевиком, ну бандитом даже. А тут сидит неряшливый тип и ест пельмени... Большинство детей смиряются с посредственностью родителей. Лучшие – не смиряются. Политическая партия, такая как НБП, забирает парня из семьи, дает ему примеры для подражания и по сути дела соперничает с семьей за душу парня. Семья часто проигрывает нам, но и мы не всегда выигрываем. К нашему глубокому сожалению. Ибо по сути своей семья – это тупик. Влияние родителей-неудачников (а они в подавляющем большинстве неудачники), порой яростных садистов, а чаще мокрогла-

зых мазохистов, за 20–25 лет, проводимых пацаном в семье, необратимо убивает его мужскую силу. Во французском языке есть обиходное словечко *mere-castratrice* – «мать-кастратрисса», пришедшее из фрейдизма. То есть мать-кастрирующая, лишаящая в переносном смысле яиц, мужского начала. Это в аккурат сказано о такого типа женщинах, как «солдатские матери». То есть в них самих развито доминирующее мужское начало, и они яростно стремятся подменить своим мужским началом мужественность своих сыновей, в переносном смысле кастрируют их.

Семья в России – сильнейшая институция общества. Говорят, в Китае она еще сильнее. Большинство актов казнокрадства, актов коррупции, воровства совершается во благо семьи. Российский чиновник крадет деньги государства, как правило, не для прожигания их в ресторане «Яр», а для постройки обширной дачи, приобретения квартир для членов семьи, для детей и внуков. Новоявленные российские бизнесмены банальны в области вкусов и предпочтений: «мерседес» себе, «мерседес» дочери, дачу себе, дачу сыну и семье. Конечно, всю эту вечную хрень должна прекратить революция, но для успешной, глубокой, необратимой революции, для того, чтобы осуществились необратимые изменения в обществе, нужно разрушить его самую крепкую молекулу: семью. Это возможно сделать. Далеко не всегда в истории человечества общество существовало в таком виде, как сегодня. Может оно существовать и без семьи.

Сколько преступлений совершено во имя семьи! Сколько рабочих не участвовало в забастовках, «заботясь» о своей семье (а в половине случаев – оправдывая ею свою трусость), сколько мужчин не ответили обидчикам ударом на удар («У меня семья!»), смирили свою гордость. Сколько мужиков не участвовало в войнах последних десяти лет и устранился от активной деятельности в политических партиях во имя гребаной семьи! Между тем именно за эту трусость их не уважают собственные дети! Каждое поколение обывателей несет на себе тяжелые вериги семьи добровольно. Якобы выращивая детей, а на самом деле лукаво и трусливо прячась за детей. Дети обойдутся без тебя, мужик, ты врешь! У нас был в партии молодой военный, приславший нам из провинции отличные боевые статьи о положении дел в армии. Как-то мы предложили обучить наших ребят тому, что знает сам. Он долго отмалчивался, а потом устно передал, что не может, сослался на семью – жену и детей. Каждый обыватель приносит себя в непрошеную жертву своей семье, чтобы его дети повторили тот же, также никому не нужный, выдуманный «подвиг» – принесли себя в жертву своей. Эту цепь лжи надо разорвать. И дети не в такой степени нуждаются в родителях, как это себе придумывает обыватель или работяга. И цель политической деятельности, политических акций, и в конечном счете цель войны (если она развязана из идеологических целей) – создать новое, лучшее, чем довоенное, общество, где детям (и твоим!) будет жить много лучше, чем сегодня.

Вот что писала о семье в 1999 году газета латвийского отделения НБП в городе Риге «Генеральная линия» в статье «Семья против партии»:

«Когда я перебираю мысленно тех, кто отошел от партии в разное время, я прихожу к одному сокрушительному выводу: в 90 % случаев это заслуга семьи. Родителей, или жены, или всего родственного клана. Уход по идейным причинам – исключение.

Семья верно чувствует, что национал-большевизм выводит человека на новую жизненную орбиту, вселяет в него слишком необыкновенные чувства, чтобы продолжать наслаждаться обыкновенными семейными радостями. Уж лучше водка и бабы (в промежутках между выполнением семейных обязанностей), чем революция, рассуждает семья. Пусть ему (сыну, мужу, брату) лучше разобьют башку в пьяной драке, чем „заметут“ на пикете. Расчет верен: в первом случае он вернется в семью с чувством вины, поджав хвост, что и требуется. На примере наших бывших товарищей мы видим это очень отчетливо. Семья давит и на тех, кто проявил стойкость. Прошла целая эпидемия изгнаний нацболов из дома роди-

телями. Может, и нехорошо об отцах и матерях, но ведь рабы, покорные жертвы всех режимов, умудрившиеся проиграть все, что только можно, они теперь хотят, чтобы и дети росли мирными домашними овечками. Чтобы безропотно шли на убой. Да выгонят и вас из ваших убогих квартир и с ваших убогих работ! И лишат вас ваших убогих пенсий! Мирным блеянием волков не разжалобить. Нужны волкодавы.

В семьях, простых обывательских семьях идет неуклонный процесс разложения русской нации. Какая жена, сестра, мать пожелает сегодня: «Если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой»? Закончился спартанский период национальной истории. Торжествует тупая недалёковидная мораль: «моя хата с краю» (московские взрывы показали, что в «крайних хатах» так же легко погибнуть, как и на передовой). Нация буквально распадается на семьи, как некогда Русь на удельные княжества.

Людей «длинной воли» не должна удивлять подобная ситуация. Изгнание из племени – удел героя. За изгнанием следует возвращение, триумф. Вспомните биографии Чингисхана, Магомета, да можно привести тысячи примеров. Вернувшимся в семьи «блудным детям» можно посочувствовать. В их жизни больше не будет ничего интересного. Спокойной ночи, наши бывшие товарищи!»

Павел Гэтэухов

Комментарий к статье Гэпзухова

Нескольким нашим ребятам не повезло с женами. То есть сами они считают, что повезло, но на деле они попали в железные руки крепких кобыл. Получив от таких женщин счастливый и удовлетворенный секс, они все меньше и меньше бывали в партии. Возможно, себе они говорили, что по прошествии медового месяца вернутся к прежней партийной активности, но постепенно втянулись в болотистую жизнь. Конечно, лет пять, ну десять можно так прожить «в тени цирцеинных ресниц», но наши товарищи-ренегаты неминуемо все же прозреют однажды. И увидят перед собой неумную, жадную, со стареющей физиономией самку, намазанную кремами, смешное, по сути дела, существо, на которую напрасно угроблена изрядная часть жизни. Женщина не может быть основным занятием мужчины в жизни – это следует знать. Женщины должны сменять друг друга. От любви к ним не следует отказываться, но только партия – основное занятие мужчины, все остальное – побочно.

Но многим нашим пацанам повезло с подругами: это девушки – члены национал-большевистской партии. Девушкам можно подсказать ту же мораль: только партия – основное занятие для вас и ваша судьба, только единомышленник, друг-революционер достоин Вас, остальные – чужие.

Сейчас мы наблюдаем драматическое снижение рождаемости в нашей стране. При этом, если верить цифрам Каирской конференции по демографии, у нас совершается четыре миллиона аборт в год. Этот чудовищный факт, казалось бы, относится к категории фактов противоположных семье, принадлежит к враждебному якобы семье миру бездуховной сексуальности, к осуждаемому церковью миру плотских удовольствий ради самих удовольствий. Однако это только на первый взгляд так кажется. На деле семья и аборт – явления одного порядка. Множество замужних семейных женщин делают аборт. Государство не требует от семей детей, никакой гражданской дисциплины и обязанностей в области деторождения не существует. Ранее Россия как-то все же саморегулировалась, и население самоподдерживалось на определенном уровне. В Великой Отечественной войне мы потеряли многие миллионы человеческих жизней, но в беби-бум в 1946 году скомпенсировали эти потери. Сейчас ситуация куда более тяжелая и иная, ибо мы стабильно ежегодно теряем около 500 тысяч человек, русский народ вымирает. Сама эта проблема не решается, точнее, решается абортами, то есть отрицательно. Государство проблеме вымирания населения также не решает, отмахиваясь и отговариваясь тем, что, дескать, прилагает все усилия для подъема экономики. Дескать, подыдем экономику и семьи станут охотнее рожать детей. Мол, сегодня русская семья не может себе позволить роскоши иметь ребенка, а уж тем более двух или трех, ввиду бедности. Эту же удобную ложь с удовольствием поддерживают семьи и женщины детородного возраста.

Цыгане, не очень устроенные, часто гонимые, бедные, имеют традиционно орды детей. Бедняки вообще всегда отличались обилием детей. Развлечений у бедняков нет, контрацептических средств нет, вот они и развлекаются древним способом. Современные бедные страны, такие как Бангладеш, теряют ежегодно от наводнений десятки тысяч (а однажды более ста тысяч погибли!) несчастных, но плодятся тараканами, и численность населения неумолимо растет. Посему состояние экономики и деторождение – независимые друг от друга величины. Нация должна продемонстрировать силу воли к выживанию. Эту силу воли должны продемонстрировать лидеры нации. Чтобы преуспеть в демографическом воссоздании нации, следует:

1. Запретить аборт totally, назначив тяжелейшие наказания и врачам и беременным женщинам. Ввести закон, согласно которому не желающая оставить себе ребенка женщина обязана его родить и передать государству.

2. Обязать законом всех здоровых женщин от 25 до 35 лет (возраст деторождения) родить за десять лет не менее четырех детей. Это будет обязанностью, как обязанностью мужчин является обязательная военная служба. Как только дети начинают ходить – они передаются в дома детства – государственные учреждения, где они выращиваются и воспитываются государством.

3. Ввести для желающих в обиход полигамную семью, по типу мусульманских. Пропагандировать такую семью.

Государственные дома детства избавят детей от вредного влияния родителей-обывателей, родителей-неудачников. Монстр с заплаканными глазами должен исчезнуть. Его надо ликвидировать.

Лекция вторая. Schooling: они украли у вас детство

Schooling по-английски, в переводе на русский – «школение», есть в русском языке слово «вышколенный». И все это словесное гнездо вовсе не значит «учение» и даже не значит «воспитание», но означает «дрессировка». Она и есть «дрессировка», и если в русском варианте иностранное school, превратившись в «школу», ни о чем ежедневно не напоминает, то по-английски, недвусмысленно и без всяких экивоков каждый раз употребленное, вопиет о «дрессировке». Небезынтересно, что это же schooling упоминается и по отношению к дрессировке лошадей и собак.

Вернувшись к истинному значению слова, легче понять и суть самой институции. Обучение, дрессировка в школе стоит впереди получения знаний. Цель schooling – сломить естественные инстинкты человеческого существа, сломить его природную агрессивность, подавить ее тотально. Недаром во всех без исключения странах в школах всегда применялись телесные наказания еще каких-нибудь полсотни лет тому назад. Школа задумана как репрессивное учреждение. Она должна быть поставлена в один ряд, через запятую, перед тюрьмой. Это недоразумение, что школу помещают в один ряд с библиотеками и музеями, а учителей пишут через запятую после врачей, их надо ставить до надзирателей и вертухаев. То, что школа, как и многие институции государства, одряхла, изменилась, покрылась скучной пылью, не должно скрывать ее репрессивного характера. Даже сегодняшняя, расхлябанная, она свою работу делает. После одиннадцати лет изнурительной долбежки, загрузки памяти ненужным мусором лишних знаний, подавляющее большинство индивидов покидают школьные парты со сломленной волей, со сглаженными индивидуальными особенностями, с затоптанным, как правило, талантом и усталыми! Школьный конвейер дрессировки поставляет обществу беззубых, вялых и намеренно заторможенных в своем развитии облезлых зверьков. Их насильно набили ненужными знаниями, как мешок пылесоса набивается мусором и пылью. Бессмысленные знания эти, в особенности те, которые дают в русских школах, никогда не пригодятся бедным зверькам. Я как-то попытался подсчитать, что из полученных в школе знаний мне пригодилось в моей жизни. Получилось ничтожно мало. Иностраный язык и география. Даже не литература, ибо все самые мощные книги я прочел помимо школы, вопреки ей, а большинство книг прочел вообще на английском и французском языках. А языки я выучил сам! Школа не дала мне знания языков. И географию я выучил по желанию, сам, не по учебнику.

Школа нужна обществу для подавления. Для этого она и создана. Это государственное учреждение. И потому она не только не невинна, но так же повинна, как суды и тюрьмы, в подавлении человека. Я вспоминаю свои десять лет за партой с ужасом утраты десяти самых, может быть, отличных, солнечных лет жизни! Кто их мне вернет! Подать в суд на гребаное государство? Отдайте мне мои солнечные годы! Юбки форменных платьев девочек моего класса лоснились сзади, как и наши штаны. Шесть-восемь часов ерзанья на твердых скамьях в неудобном положении, искривив скелет, в возрасте, когда нужно бегать, прыгать, орать! Пальцы с мозолями от ручки. Некрасивые, дурно пахнущие учителя. От учительницы математики воняло мочой, когда она над нами наклонялась. Мы морщились и отворачивались. У учителя физики мерзко пахло изо рта, когда, облокотясь на парту, нависая над нами, он объяснял, что в тетради решено неправильно, какая задачка.

Рано утром, давясь своей яичницей, в полном отупении я выходил, брел, помню, по темным улицам поселка и видел, как идут, шкандыбая по грязи или льду, такие же бедолаги-ученики. Мне еще было близко до школы, рядом (хотя грязи у нас весной и осенью бывали непролазные), а были дети, добиравшиеся пешком плюс трамваем, затем автобусом. В восьмом классе у нас появился новый классный руководитель: Яков Львович Капров.

Так он бил учеников, вызывая их в физический кабинет и запирая дверь. На самом деле все настоящие хулиганы ушли из школы в колонии и на улицы еще в 6—7-м классах. Он бил вполне нормальных ребят, те выходили с расквашенными носами. Меня не бил, мой отец был офицером. Но даже если б у нас был сладкий классный руководитель, что бы это меняло? Эти десять лет каждый из нас отдал государству, отсидел как срок. Отдайте мне мои солнечные годы!

Тому, что нужно для жизни, школа не учит. В школе не учат, как говорить с людьми, как распознать лживого человека, как ладить с людьми, как командовать ими, как отбиться от нападения. Что такое жизнь, как скоро придет смерть, как встречать жизненные горести, что делать, если ушла твоя девочка? На все эти вопросы школа не отвечает. Зато она вырабатывает в тебе вторичные инстинкты подчинения: все встают, когда вошел учитель. Она учит тебя низменной хитрости: зная слабость учителя, можно получить хорошую отметку. И подчинению, подчинению учит она.

Но самое главное: те миллиграммы действительных знаний, которые она дает, можно получить в каких-нибудь несколько лет, в три года! Зачем же детей деформируют, заставляют сидеть, как идиотских кукол, в спертom воздухе класса лишние семь лет? Чтобы отшибить напрочь инстинкты. Чтобы привык к оскорблениям, и если мозглячка училка, неряха в рваных чулках, кричит тебе: «Остолоп!» – чтоб ты не давал ей в нос, а стоял опутив голову. Все эти годы требуются, чтобы прочно перешибить твою волю, ударяя каждый день по ней, как дубиной, как ломом.

Если у кого-то остались и хорошие воспоминания о школе, то они не о школе собственно, но о встреченных там двух-трех интересных пацанах, миловидных девочках, первая там влюбленность помнится, то есть личные вещи.

Так что, когда видишь пикет или митинг учителей, всех этих гиппопотамовских размеров теток в драных шубах, то не жалей их, бюджетников, не получающих зарплату. Такие же служащие государства, как тюремные надзиратели или менты в серых армяках, – они работники репрессивного аппарата. (И потом, что за нонсенс, разве женщина должна воспитывать мужчин? Это противоестественно.)

Мир нужно видеть таким, как он есть, правильно. Это экстремально важно – правильно видеть мир. Учителя – не учителя по нормальному видению – это работники государственного аппарата образования. Учителей же в мире горстка. Найти себе учителя – задача тяжелая. Тех, кто преподает в школах, нельзя называть учителями. Это святотатство. Учителей – горстка. Счастлив тот, кто обрел своего учителя.

Школьные учителя – работники негатива. Это, конечно, не их индивидуальная вина, их самих когда-то сломали, и вот они послушно (за мелкий прайс!) заполняют память и мозги своих юных жертв начинкой из жеванных знаний: алгебра, физика, химия, геометрия, литература, история – все вперемешку. Общая ничтожность учителей, их невысокий интеллектуальный уровень, то, что они не поднимаются над общим обывательским уровнем развития, говорят сами за себя, это не лучшие люди нашего общества. Усталые и сломленные, они чревоуважают по программе. Крайне редко могут они понять своих учеников или предвидеть их. Достаточно сказать, что в школьном аттестате у меня по русской литературе стояла тройка. А я ведь читал запоем, запойно писал стихи с пятнадцати лет, и уж тройки мне явно было мало. Но мы не нравились друг другу: учительница и я. Я не мог поставить ей тройку, она могла. Надеюсь, она жива и хоть раз в неделю опять и опять удостоверяется в своей дури.

Тотчас после воцарения советской власти революционеры-большевики всю свободу экспериментировали со школой. Если судить по «Республике ШКИД» – были выборы преподавателей, школьное самоуправление. Будущее намечалось интересное. Понимали, что если хотят выращивать нового человека, то нужна и новая школа. Но одно дело – оспаривать власть в революционном порыве. Другое дело – захватить власть и властвовать. Ломать

одновременно многие институты государства – крайне трудоемкое занятие. Да и опасное: сломаешь старую школу, а пока еще построишь новую – не будет никакой.

Потому новой школы не получилось. Убрали Закон Божий да букву «ять», заменив их историей Покровского и материализмом для школьников. Эксперименты Макаренко и «Республики ШКИД» захлебнулись. Все тихо возвращалось на круги своя. Во время Великой Отечественной войны появился феномен фабрично-заводских училищ. После войны помирившийся с церковью и озабоченный укреплением государственности И. В. Сталин (он уже до этого возвратил офицеров и погоны) стал возвращать классическое образование. Было введено раздельное обучение полов, школьная форма, ремни и фуражки, платное обучение для трех старших классов, и даже латынь и греческий – мертвые языки. Продержалась эта имперская мода недолго, приблизительно от 1947 до 1955 года. И даже не была введена повсюду, оставались школы и со смешанным обучением, и без фуражек и ремней. (Пытались ввести форму и для студентов.) В хрущевскую оттепель сталинская попытка возродить имперскую школу загнулась. «Демократичному» и американистому Хрущу она, должно быть, казалась неуместным классицизмом. Так же как «архитектурные излишества» – против них стали тогда серьезно бороться: против сталинского имперского стиля зданий МИДа, гостиницы «Украина» и иже. Между тем латынь, ремни и фуражки были из одного и того же набора имперскости, вместе с «архитектурными излишествами». Хрущу нужна была быстро-быстро рабочая сила на фабрики и заводы и трактористы для подъема целины, потому школу сделали восьмилетней. Нужны были рабочие и крестьяне, вот их и спешно производили в восьмилетках.

В конце концов пришли к сегодняшней нелепой школе. Пожалуй, не намеренно пришли, ибо качество государственной элиты – правителей государства – неуклонно снижалось, и вряд ли Хрущев и тем более Брежнев были способны на размышления по поводу образования, не говоря уже о том, чтобы оценить сравнительные качества систем образования. После гения Ленина (впрочем, он никакого проекта нового образования не оставил, насколько я знаю) и отличного практика Сталина пришли лохи. У лохов проектов не бывает.

Возвращаясь к сталинской попытке реставрации классического образования, еще раз отмечу, что она совершена в поздний предсмертный период, когда Сталин пришел к имперскости, отвергнув наследие революции 1917 года. Неизвестно, что он сам по поводу своей школы думал, но ему понятно, что новый человек не должен был выйти из такой школы, где преподавали латынь и русскую историю, сочиненную немцем Миллером и другими немцами по заказу немецкой династии Романовых. Учили историю царей и исчисляли послушно революционное время от выдуманной даты Рождества Христова! Что ж должно было получиться? Конечно, не новый, а ветхий человек! Потому закономерно получили с такой школой воспроизведение старого общества.

(Нужно было больше и больше революционности! Мой упрек революции 1917 года – что она не была достаточно радикальной. Она не убила старый мир, а лишь приглушила его на время. Но об этом в другом месте...)

Ту школу, которая есть, садистский репрессивный государственный институт, направленный на подавление и тотальную деформацию самой сути человека, нужно уничтожить. Иначе наше общество обречено воспроизводить самое себя в том отталкивающем виде, в каком оно есть сегодня. Вечно будут крепостные темные пенсионеры, вечно будут палаческие менты, вечно будут воспроизводиться блатные, вечно станут появляться гоголевские чиновники, монументальные архаичные тетки-судьи. Поколение за поколением. А начинается становление этих отталкивающих существ уже на школьной парте. Общество забивает целых одиннадцать лет ребенка до смерти, пока он не становится полуфабрикатом, заготовкой для вышеперечисленных типов. Этот конвейер надо выключить. Что мы и сделаем, придя к власти.

Всякое обучение должно быть много короче. Достаточно пяти лет, чтобы получить отличное среднее образование. И образование должно быть тотально иным.

У детей сегодня ненормально удлиненное детство. Современный мир стал быстрее, информация по телевидению, информация по радио, все это делает возможным куда более раннее познание мира еще вне школы. Помимо школы. А наша система образования создана на Западе в XIX веке, перебралась к нам с Запада. Начинать надо раньше и учить короче. Начинать надо в пять лет от роду и учить не более пяти лет.

Преподаватель в средней школе должен быть один. Это должен быть мужчина, он должен иметь творческий (художник, поэт, писатель) и военный опыт. Никаких алгебр, тригонометрий, математик, физик и других отвлеченных, никогда не приходящих дисциплин преподавать детям не будем. Для хранения и передачи подобных отвлеченных знаний существуют ученые, это их работа. (Ученых будет немного, и специальные знания будут ограничены несколькими небольшими высшими учебными заведениями.)

Итак, начав ходить, ребенок покидает мать и поселяется в доме детства. Дом обязательно находится в живописной местности с красивой природой, вне города. Преподаватель – мастер, как уже было сказано, – один, это обязательно мужчина. В случае необходимости привлекаются еще преподаватели иностранных языков, но они не носят титул «мастер». В помощь мастеру у него будут еще инструктора, числом не менее трех, в зависимости от численности детей в доме детства. Их обязанность – помогать Мастеру. В программе будут следующие дисциплины:

- История: с учетом «Новой хронологии» Фоменко и Носовского и открытий Льва Гумилева. Должны быть разработаны учебники.
- География и знание иных стран, народоведение.
- Иностранные языки (и западные, и восточные – больше восточных).
- Оружие и военное обучение. Преподавание ведется не в классах. Умение стрелять, общаться с гранатометом, минометом, вождение и стрельба из БТР и пр.
- Ораторское искусство, поэзия, сочинения и изложения.
- Исторические личности: Сталин, Гитлер, Мао, Муссолини, и личности культуры: Ницше, Пазолини, Достоевский и пр.
- Тайны жизни. Человековедение: тайны пола, искусство общения с людьми, как распознать лживого человека, как реагировать на оскорбление, на жизненную неудачу, на смерть друга, на предательство женщины.
- Боевые искусства: борьба, бокс, кунг-фу, на самом деле обучение жестокой драке.
- Обращение с пишущей машинкой, Интернетом.

Только в исключительных случаях обучение будет производиться в классах. Детали новой системы обучения должны быть разработаны впоследствии. Основной принцип: Учитель, Мастер с большой буквы, человек опыта и знаний, будет лично обучать группу учеников. Как восточный учитель мудрости и боевых искусств.

Лекция третья. Самый угнетенный класс

Ты идешь по улице. Менты в серых армяках. Мятая толпа ментов. Тычут в грудь дубинкой. «Регистрация есть?», «Где регистрация?», «Билет есть? Когда приехал?», «Что здесь делаешь?», «Где штамп о прописке?», «Почему не в армии?». Облавы на иногородних, на призывников, на кого угодно, от кавказцев до белокурой Василисы из Вологды. И на тебя – тебя выдает твоя молодая рожа. Шмон. «К стене! Руки за голову!», «Ложись, сука!» – полная программа унижений. Повод: твоя молодость! С твоей юной физиономией ты далеко сияешь, как краснокожий ацтек среди оливковых и белых испанцев. Молодой – значит неблагонадежный. Молодой и экстремист – синонимы. Молодой – значит фашист, коммунист, дезертир, призывник. Гражданин должен быть пожилым, потертым, потрескавшимся, морщинистым, бабушкой или ребенком. Тогда он благонадежен. Тогда на нем не задерживаются глаза работников правоохранительных органов. Для государства было бы удобно, если бы все граждане были стариками и функциональными инвалидами, но так, чтобы у одного остались руки – на станке работать, у другого глаза – зачитывать нужные государству тексты, у следующей категории были бы только ноги – бегать по поручениям чиновников. Что, слишком гротескно? Да, гротескно, но отвечает духу Российского гребаного государства в первый год XXI века. Здоровые и молодые люди ему не нужны. Их спешит сбавить в тюрьму и в армию РФ агрессивно антимолодежное государство.

В чиновничье-поповском, гбэшном-ментовском государстве Российской Федерации молодежь – лишняя. Более того, она следующая за чеченами категория граждан, на которую смотрят с опаской, с подозрением и недоверием. Она – внутренний враг, в то время как чечены – внешний. Доказательство – Лефортовский замок забит чеченами, а следующие по численности зэка – члены самой крупной молодежной организации России – национал-большевистской партии. Это что, случайность? Нет, закономерность.

Невозможно отрицать, что жизнь отдельного человека делится на определенные и даже строго определенные биологические возрасты. Вот они:

- Ребенок: от 1 дня до 7 лет.
- Подросток: от 7 до 14 лет.
- Молодой человек: от 14 до 35 лет.
- Средний возраст: от 35 до 56 лет.
- Выше 56 лет – пожилые люди, в просторечии старики.

Разумеется, генетически счастливые люди стареют позднее, как говорят, их биологический возраст не соответствует календарным годам, однако таких немного. Для подавляющего большинства человеческих существ вышеприведенная возрастная шкала – верна. Вспомним тут распространенное убеждение, что все клетки человека обновляются полностью каждые семь лет.

Дети и подростки до 14 лет поддерживаются в жизни, одеваются и кормятся семьей. Пенсионеры (в нормальной стране, что на Западе, что на Востоке) имеют какие-то накопления, имущество или пенсию. Эти возрастные группы: дети, подростки и пенсионеры – не являются еще или уже рабочими группами общества (нации). Однако если дети и подростки, не внося еще контрибуции в копилку общества, не имеют избирательных прав, то пенсионеры, пожилой возраст, сохраняют избирательные права до самой смерти. То, что пожилой возраст, свыше 60 лет, получает компенсацию за то, что они когда-то работали, вполне справедливо. Однако неразумно, что сегодня именно они, как активно действующая избирательная группа, в значительной степени навязывают стране парламент, президента и всю выборную власть. А ведь они на самом деле люди прошлого времени, когда они формировались как личности. Потому сегодня они автоматически избирают нам правителей согласно вку-

сам своего времени, когда они были работоспособны. К тому же развивающиеся телесные немощи делают их пугливыми и послушными. Разумным представляется вместе с пенсионной книжкой вручать гражданину, ушедшему на пенсию, уведомление о прекращении его права участвовать в выборах. Другие гражданские права за пенсионерами следует сохранить.

Вообще заметно невооруженным глазом, что государственная официальная шкала возрастов, та, которая у нас существует в России, сильнейшим образом смещена, не совпадает с биологической шкалой. И смещена в пользу старших возрастов. Это смещение имеет результатом тот факт, что гражданскими правами, так же как и материальными ценностями, обделена именно молодежь. Почему юридически затянуто несправедливо детство? Почему часть гражданских прав, а именно право участия в выборах дается только с 18 лет, а право быть избранным вовсе только в 21 год, да и то только в низшие эшелоны выборной власти? Ведь право быть убитым в войне молодой человек получает тотчас, когда достигает призывного возраста. Потому мы имеем абсолютно несправедливую ситуацию, когда девятнадцатилетнего человека можно совершенно легитимно послать в Чечню, где его лишат жизни или он потеряет конечности, — для этого он созрел; а для того, чтобы быть избранным в городской Совет, скажем, следует ждать, пока ему исполнится 21 год.

Но самый драматический сдвиг, смещение, происходит именно в том, что детство искусственно удлиняется. До самого призыва в армию. Зачем это делается? Юного человека так долго школить нет необходимости, здравый смысл подсказывает, что от 5 до 14 лет, за девять лет, можно его обучить всему, что необходимо ему в жизни. Более того, в эти девять лет можно вместить (если освободить школьную программу от мертвых дисциплин) и высшее образование. Девять лет для обучения достаточно с головой. Для всего обучения достаточно. Но государство не хочет выпустить молодого человека из-под контроля, из своих когтей до призыва в армию, потому среднее обучение искусственно удлинили аж на три-четыре года. Нужно сказать, что свою шкалу возрастов Россия подражательно слизала у «цивилизованных» западных стран давным-давно. А у «цивилизованных» стран весь этот цикл: воспитание в школе и армия — был специально подогнан так, чтобы отправлять под Верден пушечное мясо в безостановочном ритме. Под Верденом, кто не знает, погибало в 1916–1917 годах около 80 тысяч человек ежедневно, считая и с той и с другой стороны. Потому и у нас в России, каковая в этом отношении ничем по сути своей (кроме особого народонаселения, большего смещения народов) не отличалась от других милитаристских держав, возрастная шкала была подогнана и есть подогнана к воинской службе, к нуждам всеобщей воинской повинности. Она никак не соответствует биологической реальности развития человеческого организма. К этому следует добавить, что за последний, XX век значительно улучшилась диета и возможности питания (это неоспоримый факт, несмотря на нытье российских пацифистов о солдатах-дистрофиках, это все-таки феномен нескольких лет начала 90-х годов), и потому в большинстве своем молодые люди физически достаточно развиты уже к 14 годам. А если говорить о развитии социальном, то даже самое дремучее в мире российское телевидение дает полное представление об обществе, в котором мы живем.

Как автомобиль увеличил скорость в пространстве, телевидение драматически резко увеличило скорость познания мира, потому возраст, когда даются гражданские права, вполне нормально будет сдвинуть до 14 лет. К этому призывал я еще в 1996 году в законодательном предложении национал-большевистской партии. Гражданские права в 14 лет! До 14–15 лет подросток должен тотально заканчивать учиться, включая высшее образование. (Это не значит, что мы хотим тотчас послать его к рабочему конвейеру, у нас задача иная.) Опять-таки, возвращаясь к телевидению, можно сказать, что благодаря ему и другим СМИ в меньшей степени и всей окружающей нас техногенной цивилизации сегодня нет необходимости так долго и бесплодно школить юношей и девушек. Объем знаний о мире, и не снившийся

человеку XIX или начала XX века, в буквальном смысле слова внушается с экрана телевидения ежедневно. Телевидение у нас, повторяю, отвратительное: неповоротливое, подчиненное государству, но даже такое оно по своей сути сверхпознавательное. Период среднего обучения надо сжать по меньшей мере вдвое, максимум до пяти лет. Лениво гноить молодежь на партах, отдавая их дух на убиение учителям-обывателям, – преступление. Обучение должно быть толковым, четким, радостным. Об этом уже сказано в предыдущей главе.

Какой же возраст следует считать самым ценным для нации, самым предпочтительным?

Возраст от 14 до 35 лет является, без сомнения, самым продуктивным, самым ценным для нации возрастом. Это возраст призывников, воинов, мужчин, расцвет физической силы личности, обыкновенно пик здоровья, красоты, радости. Возраст наибольшего созидания, сеяния, производства детей. Современная сексология утверждает, что мужчина в лучшей своей сексуальной форме в возрасте 28 лет. Недаром после 35 индивидуум обыкновенно уходит из спорта. Физические силы уже не наращиваются, но лишь сохраняются. Обратите внимание на объявления о трудоустройстве: работа предлагается, на работу зазывают, как правило, требуются «здоровые мужчины до 35 лет». Хитрые работодатели, следовательно, считают, что после 35 лет и силы не те, что до 35 лет, и усвоение рабочих навыков дается человеку труднее.

Средний возраст – от 35 до 56 лет – это ровное плато, по которому индивидуум уже идет прихрамывая и останавливаясь передохнуть. Конечно, к 35 годам приобретен уже некоторый жизненный опыт, однако в основном это опыт негативный – опыт осторожности, опыт трусости. К 35 годам индивидуум, обжегшись много раз, уже даже не дуется на горячее молоко, он его выплескивает. От 35 до 56 – это время сбора урожая жизни, то, что было посеяно (если было посеяно), – приносит плоды. Да, время сбора урожая, если сравнить с природой и ее циклами. Так вот, они – средний возраст и собирают весь урожай. Им принадлежат (часто лишь по праву их возраста, по праву длительности профессиональной карьеры, по праву выслуги лет) ключевые посты в государстве, в политике, в промышленности, в торговле, в администрации. Они возглавляют все отрасли жизни: СМИ, армию, школу, медицину. Они – обладатели большей части собственности в стране. Средний возраст способен ровно тянуть, но не способен, как правило, на блеск, героизм и подвиги.

Проблема отцов и детей становится проблемой именно после того, как ребенку стукнет 14 (ну, чуть раньше, чуть позже, не у всех, как уже говорилось, биологический возраст точен). К этому времени ребенок созрел: девочки уже давно менструируют, мальчики выглядят мужественно, баят и испытывают прямую потребность в подруге, половое созревание совершилось, перед родителями – сформировавшаяся особь: мужчина, женщина. А родители по велению государства должны считать их по-прежнему детьми. Заметьте, до этого возраста никакой проблемы отцов и детей нет, все более или менее отлично – ребенок нуждается в опеке, пока он не вырос. Но вот вырос – нечего держать его в детях. Жизнь надо начинать раньше и сразу же бросать молодежь в энергичный темп – скорее жить!

Во всякий отдельно взятый момент между собою конкурируют два основных поколения: молодежь и средний возраст. Они сражаются за лучшие земли, имущество, женщин. Стоя как бы на ленте неумолимого конвейера жизни: позади – их дети, впереди – старики, и конвейер уходит в смерть. Старики обыкновенно первыми, но в периоды войн первыми уходит молодежь.

Суммируя вышесказанное, повторяю: власть и собственность в России (и во всем остальном мире) неравномерно распределены между поколениями. Не только между классами или социальными типами общества (что то же самое что класс), но между поколениями. Точнее, между двумя основными производительными мужественными классами общества: между молодежью 14–35 лет и средним возрастом 35–56 лет – власть распределена

вопиюще неравномерно. Заметьте близость терминов «средний класс» и «средний возраст» и увидите здесь больше, чем вульгарное совпадение. Вне пределов среднего возраста зажиточных людей крайне мало. Так во всем мире. Если в 1988–1995 годах в России можно было встретить юных зажиточных «новых русских», то сейчас таких днем с огнем не сыщешь. Только в среднем возрасте индивидuum собирает нужные связи, знакомства, прочно втирается в какую-то, как любили говорить в конце 80-х годов, «мафию», и тогда приходят власть и богатство. Молодежь же, притом что ее гонят на войны и что она физически самая мощная группа общества, имеет крайне мало и власти и собственности, чуть ли не столько же, сколько дети, и меньше, чем пенсионеры. Это несправедливый, это очень несправедливый перекосяк, которого не было в традиционных обществах. Там воин, именно от 14 до 35 лет – лучший воинский возраст, – был важнейшей частью общества. И получал по заслугам.

(Молодежь – это настоящее время общества. Дети – его будущее. Пенсионеры – старики – его прошлое. В этих циклах ничего обидного нет, ибо каждый проследует через них.) Напрашивается мысль, что при помощи демагогии, хитростей, пользуясь тем, что молодые не успевают еще создать свои группы («мафии»), средний возраст просто украл, крадет ежедневно у молодежи ее долю власти и собственности. Аргумент в пользу «опыта» и «опытности» среднего возраста, опыт якобы дает им преимущества перед молодежью, тут не работает. Во многих областях жизни опыт приобретается чрезвычайно быстро. А основной опыт, получаемый в жизни большинством, – это опыт трусости и осторожности. Лучше его не иметь вовсе.

Если бы хотя бы власть и собственность делились между двумя основными классами поровну. Но нет, молодой человек имеет много меньше даже чем пенсионер, у пенсионера есть пенсия, есть квартира. У юноши, у девушки нет в нашем обществе даже нескольких метров крыши над головой. А уж стипендию студента и отдаленно нельзя сравнить с заработком среднего возраста. (Ну понятно, что есть среднего возраста бомжи, алкоголики, больные, слабоумные среднего возраста люди, но не о них же речь!)

Короче, вас, дорогие парни (напоминаю, что вся работа замысливалась в форме цикла лекций для членов НБП), партайгеноссе, облапошивают поколениями. Провонявший водкой, махоркой и старостью, с перхотью на мундире, военком преспокойно отправляет вас в армию и в Чечню, и там вас расчлениают из гранатометов свободолюбивые чечены. А потеряешь конечность, товарищ, на протез Родина даст тебе 500 рэ. И правительство никогда не соизволит ответить тебе на вопрос: если я подставляю свое индивидуальное тело и божественного происхождения душу под пули и осколки, то почему правительство не приравнивает мой этот пахнувший смертью труд к такому-то и такому-то количеству акций нефтяной компании или гектаров земли? Конечно, в государстве, особенно в русском, с традициями самодержавия наглом государстве, вопросы задает только государство, оно присвоило себе это право самовольно. Но тогда давайте разберемся с государством! Если оно так нагло несправедливо, давайте разберемся с ним.

Могут возразить, что так было всегда. Нет, и еще раз нет, и нет. В прошлом государства вели непрерывные войны (как и в наше время, кстати говоря; атомный мир коротко замирил между собой основные блоки государств: Западный и Восточный, и только) и особым спросом пользовались воины. Цена на молодежь, на мужчин в возрасте воина была высока. Лишь образование рабских монархических государств в XVI–XVIII веках создало возможности всеобщей воинской обязанности, и крепостные крестьяне какого-нибудь Гессена могли быть проданы сражаться против американских колонистов. Но такое положение вещей существует недолго. А на всем протяжении истории человечества ценился воин. Со времен неандертальцев либо от сотворения мира, как кому нравится.

В эпохи революций биологический, естественный порядок вещей пусть на короткое время, хотя бы в пределах одного поколения, торжествовал и молодежь выходила на первые

роли в государстве и в обществе. Имела власть и часто собственность. Классический пример Наполеон Бонапарт – император в 31 год, и его маршалы, происходившие из низших сословий, – дети Французской революции. Другой классический пример: большевики. Молотов, Троцкий, Дзержинский, Сталин, вступившие в партию в 16, 17, 18, 19 лет и оказавшиеся на ключевых постах в государстве уже в тридцать с небольшим. Блюмкин, тот самый, убивший императорского германского посла Мирбаха, прославленный Гумилевым Блюмкин, приехавший из родной Одессы в Москву в 18 лет, был назначен сразу начальником контрразведки ВЧК. В 18 лет! Можно вспомнить о культе юности среди национал-социалистов Германии и фашистов Италии, а это были революционные движения. Вокруг Гитлера, и Муссолини, и Ленина собрались тогда в начале XX века молодые и очень молодые люди. Изучая опыт недалеких от нас во времени революций: русской 1917 года, германской – национал-социалистической, итальянской фашистской, но и более далеких – Великой Французской 1789 года, можно убедиться, что это были не только революции пролетарская, фашистская или буржуазная Великая Французская революция. Но это были еще по сути своей революции молодежи против среднего класса и стариков. Революция всегда совершается молодежью, реакция – работа среднего возраста и стариков.

Насколько мне известно, историки не изучали революции как феномен борьбы поколений, довольствуясь лишь фактами без их анализа. Да, большевики или национал-социалисты были очень молодые люди, лишь Ленин (47) и Гитлер (44) были много старше своих товарищей.

Попытаюсь обобщить и констатирую: все победившие революции – это победы детей над отцами, молодежи над средним возрастом.

Лекция четвертая. Все началось с Китая

И во второй половине XX века молодежь не переставала бунтовать и пытаться отобрать власть у отцов. В последний раз все началось с Китая. Это Мао Тзедунг¹ вызвал на авансцену истории хунвейбинов, свою юную красную гвардию. Старый хитрый мудрец Мао, возможно, был искренен в своем ужасе перед новой бюрократией, которую китайский коммунизм создал всего за 17 лет, с 1949 по 1966 год, возродив тысячелетнюю касту толстых чиновников-мандаринов. Возможно, он использовал школьников и молодежь в борьбе со своими политическими противниками, суть не в этом. Он точно положил палец на рану, нащупав ее, – на острейшую проблему всех современных обществ. А именно: молодежь – самый угнетенный класс общества. Возгласив: «Огонь по штабам!» – Мао дал школьникам и студентам право инспекции и наказания чиновников. И китайские пацаны с маленькими красными книжками, взметенными в воздух, фанатичные пацаны насладились до ушей. Водили по всей стране в шутовских колпаках (как с картин Гойи и Босха!) высших чиновников государства, избивали, плевали, пинали и усылали на перевоспитание в деревню учителей и даже премьера Лю Шао-Ци и министров Чжоу Энляя или Дэн Сяопина. Началось все это в 1966 году и затихло лишь в 1976-м.

Пример был заразителен. В 1968 году, 2 мая, в разгар культурной революции хунвейбинов, когда французские газеты ежедневно приносили вести о многомиллионных рейдах китайских красногвардейцев на офисы китайских начальников, в Париже началась студенческая революция мая 1968 года. На факультете социологии в пригороде Парижа Нантере студенты во главе с двадцатитрехлетним немцем Даниэлем Кон-Бендитом организовали митинг, перешедший в столкновение с полицией. Факультет полиция закрыла, но беспорядки переместились в Латинский квартал, в сердце Парижа, в здания Сорбонны. Ректор обратился за помощью к полиции. Полиция ворвалась в аудитории. Схватки между двумя тысячами студентов и полицейскими продолжались несколько часов. Начались поджоги автомобилей, построили несколько баррикад. 596 студентов были арестованы. Сорбонну закрыли, и полиция встала у входов. Несколько студентов предстали перед судом и получили по два месяца тюрьмы. Но на следующий день студенческие демонстрации возобновились. И столкновения с полицией – 460 студентов арестовано. Студенческие организации требовали 7 мая вывести полицию из Латинского квартала, освободить осужденных студентов и открыть факультеты в Париже и Нантере.

Интересно, что зачинщиками повсюду выступали студенты гуманитарных факультетов, то есть те, кого больше всего начинали идеями «западной цивилизации». Любопытно и то, что генерал де Голль прекрасно понял, что ветер дует с Востока. 7 мая он в гневе заявил своим министрам: «Это означает, что речь идет об испытании сил. Мы не потерпим такого положения. Порядок должен быть восстановлен прежде всего... Это дурные студенты не хотят вернуться к занятиям. Они издеваются над возвращением к спокойствию и труду. Они стремятся к китайской культурной революции. Ни за что! Не может быть вопроса об уступках».

Обстановка особенно накалилась к 10 мая. Студенты соорудили в районе площади Эдмона Ростана около 60 баррикад. Над баррикадами черные и красные флаги. Вокруг – несколько тысяч полицейских ждут приказа о штурме. Студенты вооружены коктейлями Молотова и булыжниками. Полицейские вооружены дубинками, большими пластиковыми щитами и газовыми гранатами. В два часа ночи поступил приказ о штурме. Побоище продолжалось пять часов. Итог: 367 раненых, из них 32 тяжело, 188 сожженных автомобилей.

¹ Мао Цзэдун.

Студенты по приказу Кон-Бендита разбегаются. Профсоюзы решают провести всеобщую двадцатичетырехчасовую забастовку протеста. 13 мая начинается всеобщая забастовка и демонстрация. В шествии от площади Республики до площади Дэнфер-Рошро приняли участие более миллиона демонстрантов.

Лозунги демонстрации: «Де Голля – в архив!», «Де Голля – в богадельню!», «Прощай де Голль!», «Десять лет – этого достаточно!». Дойдя до Дэнфер-Рошро, демонстранты, как заранее было договорено, расходятся. Но группы студентов призывают идти дальше и взять штурмом Елисейский дворец. Умеренные профсоюзы не следуют за ними.

14 мая полиция оставляет Сорбонну. Левые студенты обосновываются в аудиториях. Теперь здесь «критический» или «свободный» университет. Дни и ночи идут митинги. Поют «Интернационал», в руках мелькают красные книжки изречений Мао, их распространяет китайское посольство. Требуют отмены экзаменов, обязательных программ и курсов. Часто ссылаются на Троцкого. Стены Сорбонны испещрены надписями: «Будьте реалистами – требуйте невозможного!», «Запрещается запрещать!», «Воображение к власти!». Объявлена была «непрерывная творческая революция». Сорбонны студентам оказалось мало, и они захватили театр «Одеон», где происходило действие подобное тому, что и в Сорбонне, при участии интеллигенции Парижа. Де Голль 14 мая вылетел с визитом в Румынию.

В тот же день работяги оккупируют завод «Зюд авиасьен», а через два дня заводы «Рено». Остановился транспорт, не работала связь, радио и телевидение. Возбешенный де Голль возвращается 18 мая. 24 мая он выступает по телевидению с бесцветной шестиминутной речью, из которой ясно, что генерал устал и боится. В тот же день в Париже состоялась новая грандиозная демонстрация. Сотни тысяч идут с лозунгами «Де Голля – в отставку!». В Латинском квартале снова стычки, пахнет газом, сотни арестованных. Лидер левых Франсуа Миттеран 28 мая в отеле «Континенталь» огласил предложение о создании временного правительства во главе с Мендес-Франсом, Миттеран – президент, десять министров, не исключая коммунистов. Мендес-Франс же поддержал студентов-революционеров из Нантера и Сорбонны. 29 мая де Голль исчезает, не явившись на заседание Совета министров. Он почему-то оказывается в Баден-Бадене, на базе французских оккупационных войск. 30 мая он возвращается в Париж. Выступает по радио: «Я принял решение. Я остаюсь». Напуганная баррикадами и черными флагами Франция идет к избирательным урнам 23–30 июня, голлисты приобрели дополнительные 97 мест и имеют теперь в Национальном собрании 358 мандатов из 485. Один из министров-голлистов сказал после выборов: «Партия выиграна, но с генералом покончено». Студенты тоже могли сказать, что «партия выиграна», ибо с генералом они покончили. Де Голль, правда, оставил свой пост только 27 апреля 1969 года, но свалили его таки студенты, хотя сами они оказались неспособны взять власть. Это против старого де Голля и старой Франции было направлено восстание молодежи. Эффективность их бунта признана. Жан Раймон Турну в своей книге «Май генерала» констатирует: «Чувство горечи достигло у него крайней степени... И вот одним движением несколько бешеных из Нантера сумели сделать то, в чем потерпели поражение специалисты психологической войны в 1958 году, создатели баррикад в 1960, бунтовщики в 1961 и главари ОАС в 1962 году». Другое дело, что студенты убрали де Голля, но не голлистов. Следующим президентом стал бывший премьер-министр де Голля Жорж Помпиду.

«Несколько бешеных» нашлось в те годы во многих странах Европы, не только немецкий рыжий студент Кон-Бендит был бешеным. В Германии ведет студенческий вождь Руди Дучке. Судьба его трагична (в то время как Кон-Бендит дегенерировал в старую толстую брюзгу, стал вице-мэром Гамбурга, а впоследствии депутатом Европейского парламента и, конечно, центристом) – в него в том же судьбоносном году стреляет правый работяга-алкоголик. Дучке парализован, в 1980 году погибает в ванной комнате, уже депутат от «зеленых». В Америке бунтовали хиппи, демократическая конвенция в Чикаго закончилась многоты-

сячными потасовками и судом над Джерри Рубином и его товарищами. В 1968 году в Калифорнии произошли революционные убийства, совершенные Чарльзом Мэнсоном и его коммуной. Даже социалистическая Прага попробовала взбунтоваться в 1968 году. Восстание в Праге носило вначале студенческий характер, но мы, русские, восприняли его как попытку чехов уйти из социалистического лагеря, и вмешались русские танки.

Справедливости ради следует сказать, что смогисты, «Самое молодое общество гениев», начали бунтовать в Москве еще в 1965–1966 годах. Многотысячные аудитории собирали их поэтические выступления. Пытались они проводить и политические акции. Была их босая демонстрация к западногерманскому посольству, был список «литературных мертвецов», прибитый к двери Центрального дома литераторов. Вождем их был Леонид Губанов, умерший в возрасте 37 лет от последствий алкоголизма. Но мало кто знает, что из рядов СМОГа вышли и очень заметные диссиденты: Владимир Буковский (в свое время цена ему была высокая. Чекисты обменяли его на председателя Компартии Чили Луиса Корвалана), Вадим Делоне (участвовал с Горбаневской в демонстрации против ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 года, позднее умер в Париже), менее заметные диссиденты В. Батшев и Кушев. Репрессии обрушились на СМОГ уже в 1966 году. Когда я появился в Москве 30 сентября 1966 года, я немедленно нашел смогистов и сошелся с ними (эпизод описан в моей книге «Иностранец в Смутное время»). Однако в России тогда уже всю свирепствовала брежневская (после хрущевской оттепели) реакция: помню, что В. Батшев и художник СМОГа Н. Недбайло были в ссылке в Красноярском крае.

В 1969 году поднялся кампус университетского городка Беркли, что в Калифорнии. Покойный профессор Симон Карлински рассказывал мне, что к нему в класс, он вел занятие по Маяковскому со студентами-славистами, явились революционные студенты, разъяренные тем, что он не выполнил приказания прекратить занятия. Карлински наехал на студентов, заявив, что читает лекцию о революционном поэте. Комитетчики вынуждены были согласиться с ним: «Продолжайте, товарищ!»

60-е годы вообще были годами молодежными. Было модно быть молодым. И впервые молодежь противопоставила себя как возрастная группа – суровым, квадратным (на английском сленге тех годов – square people) отцам. Выходили фильмы с юной бесовкой Брижит Бардо, был сверхпопулярен фильм Микеланджело Антониони «Blow up» («Увеличение») с юным главным героем – преуспевающим модным молодым парнем-фотографом (модная тогда профессия), – с девочками-моделями. 60-е годы были также годами небывалого возвышения молодежных рок-групп: «Битлз» и «Роллинг стоунз» доводили обожателей до умопомешательства. Вокруг говорили о молодежной культуре.

Революций, однако, нигде не получилось. В Китае разгул хунвейбинов прекратил сам Мао, Конфуций в нем победил революционера. Не сразу, уже в начале 70-х хунвейбины были постепенно выведены из городов в провинцию, где тихо угли, выращивая рис и свиней. Китайское чиновничество понесло потери (западные источники называют безумные цифры от 1 до 9 миллионов жертв культурной революции, однако верить им нельзя. «Огонь по штабам!» имел целью не уничтожение чиновников, но лишение их власти), но выжило. Пятикратно подвергшийся публичным унижениям Дэн Сяопин вернулся, его вернули к власти из деревни, где он ухаживал за лошадьми. Мао умер в 1976 году.

В Париже президентом стал Помпиду, а после него Жискард д'Эстен, тоже голлист. Они восстановили лишь на один месяц пошатнувшуюся власть среднего возраста. Иногда можно услышать, что якобы Ги Дебор и его коллектив ситуационистов были идеологами мая 1968 года. Это не соответствует действительности. Спорно даже просто влияние «ситуационистов» на эти события. Разве что ничтожно малая часть самых легких лозунгов, такой как «Под мостовой – пляж!», по слухам, «ситуационистский». Ни Ги Дебор, ни Курт Вангхейм не были ни лидерами, ни идеологами мая 1968 года в Париже. Точно так же не был лиде-

ром и Герберт Маркузе, хотя книгу его «Одномерный человек» читали, но ничего от влияния довольно тяжелой и скорее high brow философии Маркузе в событиях мая 1968 года в Париже и в позднейших бунтах в Праге, в Германии и в США не прослеживается. Скорее это были стихийные, плохо осознанные волнения самого работоспособного призывного возраста по поводу своей роли в жизни общества. Подчиненной старшему возрасту роли. А толчок и пример дал Мао, мудрый Мао, де Голль уже свидетельствовал (книгу о де Голле я обнаружил в тюремной библиотеке, и цитата из де Голля: «Они стремятся к китайской культурной революции» – подтвердила мое собственное ранее вынесенное суждение), что хунвейбины – отцы студенческого бунта в Париже в мае 1968-го.

Так же как и среди парижских товарищей майской революции, среди хиппи серьезных идеологов не обнаружилось. Тимоти Лири, «пророк ЛСД», с его идеологией наркотиков, конечно, выглядел несерьезно. Кен Кизи с романом «Полет над гнездом кукушки», опубликованным в 1961 году, впоследствии экспериментировал с наркотиками и жизнью в коммунах – в лидеры не вышел. Мэнсон запятнал движение хиппи в криминале.

70-е годы, особенно их первая половина, скорее по инерции продолжали быть молодежными. В 1975 году в Лондоне на Кингс-роуд родилось движение punks («юный хулиган» – на сленге 40-х годов). Однако, хотя рыжий, как Кон-Бендит, Малколм Макларэн был способен создать стиль и создал стиль «молодого хулигана», панки ограничились стилем как идеологией, лишь добавив туда стихийного анархизма. Революционеры 60-х годов, захотевшие продолжить борьбу в 70-х, в основном ушли в радикальную политику, и эта дорога привела их, германских пацанов в RAF, итальянцев в «Красные бригады». Что до французов, то самым радикально крутым оказался Поль Гольдман (брат певца Жан-Жака Гольдмана) – лысый крепыш. Он был застрелен при экспроприации банка в 1973 году. В том же году была запрещена организация «Автономов», эти ребята в масках участвовали во всех демонстрациях любого толка и превращали их под конец в схватки с полицией.

В ноябре 1974-го я увидел молодую Италию с красными флагами. Мне было 31 год, но внешне, длинноволосый, в мятых джинсах, я выглядел на двадцать лет с небольшим и отлично вписывался в те 70-е годы и в ту страну. Италия кипела, демонстрации происходили каждый день, запах слезоточивого газа висел над Римом. Помню, пошел в Римский университет, где мне назначил встречу покойный профессор Анджело Мария Рипеллино. А в университете была битва студентов с полицией. Мне так понравилось!

Улетали мы из Рима рейсом PANAM в Нью-Йорк аккуратно 18 февраля 1975 года, в день, когда Мара Каголь освободила своего мужа, вождя «Красных бригад» Ренато Курчио из тюрьмы. Проникла она туда еще с четырьмя товарищами: все вытащили автоматы, и охрана легла на пол. Наш рейс задержали: искали бомбу. Все пассажиры должны были опознать свои чемоданы, их выставили на летное поле. Мой чемодан с книгами оказался взломан, естественно, он был самым тяжелым, где еще, как не в самом тяжелом чемодане, нужно искать бомбу «Красных бригад»?

Нью-Йорк, конечно, был город для серьезных бизнесменов среднего возраста и пожилых, но там был Lower East Side, где бродил и рождался среди детей восточноевропейских эмигрантов американский Punk. Мало кто в этом разобрался, но ведь я написал «Это я, Эдичка» в 1976 году и «Дневник неудачника» в 1977 году в Нью-Йорке, в сущности внутри punk-движения, в эстетике панка. Были и личные связи – я спал с Mereline Mazure – девочкой-фотографом, она училась в школе «Визуал арт» и была авангардной девицей: фотографировала беременных, водила меня в (тогда еще они были вне закона) S and M клубы. В апреле 1977 года я познакомился с Julie Carpenter, а она была дружна с Maryanne – подружкой Марка, Markie из группы Ramones, и он же был музыкантом у punk-звезды Ричарда Нэлла (его самый известный альбом Blank Generation), так что я в этом во всем жил. А еще больше влияла атмосфера: газета Village Voice – объявления о выступлениях панк-групп в CBGB,

напечатанные белым шрифтом на черном фоне, они и сегодня стоят у меня перед глазами. Безработный, я ходил на лекции анархистов, в CBGB, бродил по Lower East Side с девочками с лиловыми волосами, по St. Marks Place, присутствовал на собраниях Socialist Workers Party. Я бунтовал и искал банду себе подобных. Если б Америка была более революционной, я был бы более революционен уже тогда.

В 1977 году в Нью-Йорк приехал и жил в Chelsea Hotel Сид Вишес. По ящику его показывали шипящим, морщащим нос, матерящимся. Сам экстравагантный, он был с Нэнси – вполне ординарной прыщавой девкой. Всю их историю можно было наблюдать время от времени по телевизору. Я пошел в Chelsea Hotel, хотел там поселиться. Мне сказали, что очередь расписана на годы вперед, и чуть посмеялись над плохо говорящим по-английски эмигрантом. Однако посмеялись не очень, а вдруг этот наглый чудак станет вторым Энди Уорхолом, Lower East Side был полон всяких приезжих уродов. В 1977-м погибла от OD Нэнси, Вишеса арестовали. Среди аристократической богемы и панк-бомонда мнения разделились: одни считали Сиду убийцей, другие – Господом Богом punk-movement, которому все позволено. Я чувствовал, что со смертью Нэнси Вишес вошел в клан таких небожителей, как Рембо или Лотреамон. Так и случилось, в 1978 году Вишес сам скончался от OD. Несколькими годами раньше в Париже так же трагически расхлябанно умер Моррисон.

На самом деле это был конец. Империя Юности просуществовала с 1966, с призыва Мао «Огонь по штабам!», до 1978 года – до смерти Vicious. Только в этот промежуток времени молодежь была осознана собой и другими как класс, с особыми запросами и потребностями. Они были близки к тому, чтобы навязать свои привилегии миру. Но этого не произошло.

Симптоматично, что еще даже более ранний кумир молодежи Элвис Пресли срочно умер в 1977 году, успел уложиться во временной лимит. Только все более редкие взрывы и террористические акты «Красных бригад» и рафовцев вплоть до середины 80-х годов еще напоминали время от времени о надеждах европейской молодежи захватить власть.

А что в современной России? Прежде всего констатирую: все попытки и правых реформаторов (СПС, «Яблоко»), и левых реставраторов СССР (Зюганов, Анпилов) подмять под себя молодежь не удалось. Виртуальная, «продвинутая», «вихлястая», материально обеспеченная молодежь в ярких штанах, милая сердцам Кириенко и Немцова, не существует еще в нашей бедной и очень крестьянской стране. А суровая, корявая, заскорузлая, слепо преданная марксистскому догматизму молодежь в бушлатах, шинелях, тулупах – уже не существует. Пытается построить молодежь путинский блок «Единство» и путинские пиаровцы: Сурков и К^о, но затея обречена на неуспех. Ибо берут юношей и девушек не равными партнерами, а обслугой: на роли бессловесных помощников, охранников, лакеев и исполнителей воли чиновников. Даже удовольствие ксерокопирования или расстановки бутылок с минеральной водой на съездах «Единства» достается немногим. За мелкий прайс студенты, конечно, наденут майки с логотипом кого угодно и помашут флагами, но это сдельная работа, а не политическая партия.

Молодежь так не хочет. Прислуживать взрослым ей неинтересно. Она хочет сама. Она хочет найти в политической партии изменение своей жизни, найти судьбу. Начинаящему в жизни юному человеку более всего близок лозунг «Кто был ничем, тот станет всем!». Ибо придя в сознательный возраст 14 и более лет, пацаны только об этом и грезят: волшебным образом, сразу, одним прыжком стать «всеми». Потому они обожают эпохи, в которые это было возможно. Эпохи революций, когда шестнадцатилетние командовали полками, а двадцатилетние – армиями.

Эпоха конца 80-х – начала 90-х годов вначале представлялась части наших молодых людей такой эпохой. Но надежд она не оправдала. Постепенно демократическая революция была затухаема испугавшимися ее партаппаратчиками. Посторонние энтузиасты, свер-

гавшие с шумом памятники, стали не нужны и даже опасны. Реставрировалась чиновничья власть.

Государство Путина нагло отказывает своей молодежи в справедливой доле общего пирога власти и благосостояния. А ведь это его работа: государство изначально должно балансировать классы, возрасты и доли пирога. Но так как управление государством тоже осуществляется средним возрастом, то чего от них ожидать?! Молодежь – жертва в этом государстве. Все тяжести свалены на нее. Средний возраст управляет и командует, дети и старики едят за счет родителей и прошлых заслуг, а всех тащат на себе те, кого в объявлениях о приеме на работу зазывают: «Требуется здоровые молодые люди в возрасте до 35 лет». От них требуется также безропотно отдавать свои жизни и конечности в войнах, развязанных средним возрастом. В прямом и переносном смысле молодежь есть самый угнетенный класс современного мира. Как у Маркса таковым был пролетариат, так в современном мире место пролетария заняла молодежь.

Лекция пятая. Откуда берутся старухи?

В декабре 1989 года я впервые после пятнадцати лет жизни на Западе смог приехать в Советский Союз. Среди прочих поразительных открытий, которые я совершил в своей стране, меня поразило, помню, что по улицам русских городов по-прежнему бродят те же старики и старухи, типично русского патриархального вида, какими я их оставил здесь в 1974 году. Серый пуховый платок, обтрепанный меховой воротник выдавшего виды ватного пальто, потрескавшиеся, как копыта, сапоги для женщин, облезлая шапка, ватное пальто и такая же парнокопытная обувь для стариков, ну там палка да сумка в придачу. По моим расчетам, они должны были давно вымереть. Получалось, что все они ненормально долго живут и должно им быть лет по девяносто как минимум. Простая истина, что это не те старухи, а состарившиеся за годы моего отсутствия граждане России, которым было в момент моего отъезда по 50 лет, дошла до меня не сразу, только после того, как я съездил в Харьков и увидел своих родителей. Из бодрых, переваливших чуть за пятьдесят родителей и они выглядели стариками образца 1974 года, почище правда. Вот тогда до меня и дошло, что эстафета особого русского стариковства передается из поколения в поколение.

Такое впечатление, что поколения стариков, как в театре, берут друг у друга одежду и переодеваются. Одежка у них идентична, до пуговицы. И лица те же, что у стариков моей юности. Сегодняшний американский или французский пенсионер не похож совсем на пенсионера 50-х годов и уж тем более на американского довоенного старика. Одежды ярче, разнообразнее, свежее. Тела более полные, более мускулистые, выражения лиц иные. Совсем! Лица другие! Это видно, если сравнить со старыми фотографиями. То же самое наблюдается во всей Западной Европе и даже в Латинской Америке какой-нибудь, в Малайзии, в Сингапуре. Старики разного времени у них разные! У нас в России молодежь – разная: узнаются по стилю одежды и причесок на фотографиях молодежь 30-х годов, 50-х, 70-х, 90-х, но вот как старики – так какой-нибудь XIX век от силы, и не выше.

Это о чем-то говорит, да? Точно! Это вопиет, орет о том, и только о том, что у нас чудовищная стагнация общества. Что оно по сути своей старое, структура его глубоко никогда не изменялась, несмотря на потрясения, якобы глубокие, революции 1917 года. Что у нас социальный застой уже лет двести! Старики наши, как впавший в кому на чужбине эмигрант в смертном бреду начинает кричать на забытом родном языке, ближе к смерти напаяливают на себя родные одежды времен крепостного права, обнажая свою настоящую архаическую суть – шмыг, шлеп по улицам.

Что Россия страна старая, деревенская, крепостная – видно и в центре Москвы и в ее спальных районах, а еще сильнее видно во всяких Мытищах, Электростаях и далее. Ну конечно, она смотрит на высокую моду по ящику, но большой вопрос, что она там видит, на месте высокой моды? Наверняка не то, что другие страны. Слушают же у нас миллионы граждан английские музыкальные тексты, не понимая их смысла тотально! Опьяненные чужой «мовой».

Весь разговор, базар этот о старухах затеян мною с целью показать на множестве примеров, что Руси, Эрэфии, если она не хочет сдохнуть в своих снегах, сгнить все утончающейся пленкой русского народа, нужен громадный социальный слом, взрыв.

Утро. Снег. Серый кирпич пятиэтажек. Березы. Азия. Красноярский край. Город Назарово. Идут на работу граждане, молодежь в кожаных куртках, средний возраст потеплее закутан, в валенках и в платках. Пенсионеры, как подозрительные старые суслики у своих нор, стоят у подъездов, озирая враждебный мир. Все насуплены. Недовольны. Я смотрю на них, я приехал в Назарово, в Красноярский край, собирать материалы для книги об их земляке Анатолии Быкове, смотрю и размышляю. Они все – из прошлого. Из моего детства.

Из 50-х годов. Это в точности Салтовский поселок, только что умер Сталин, все типажи на месте: хмурых работяг, толстых от картохи и сладкого теста теток. Они как в холодильнике пролежали, что ли? Пятьдесят лет! И действительно ведь прожили в социальном холодильнике – в СССР, в замороженном социальном климате.

Как-то в году 1996-м я присутствовал на заседании совещательной палаты при президенте РФ, на совещании ее комитета (кажется, это называлось «комитет») по обороне. Председателем комитета был номенклатурный Юрий Петров, бывший секретарь Свердловского обкома КПСС и бывший глава первой администрации Ельцина. Заседание происходило в здании Администрации Президента на Ильинке! Несмотря на все громкозвучающие титулы палаты, это была никчемная структура, образованная стараниями Рыбкина, обтекаемого Ивана Рыбкина, уже теряющего расположение Ельцина. Заштатная рыхлая самодеятельность, имеющая целью собрать вместе соискающих должности чиновников, отстойник для них. Я попал туда, дезориентированный ее названием и тем фактом, что было громкогласно заявлено: к участию приглашаются все политические партии России, без исключения. НБП тогда усиленно боролась за свою легализацию и реабилитацию в обществе, образ «красных фашистов», приклеенный нам СМИ, наносил нам ущерб. Мы встретились с представителями палаты и предложили им свое участие. Из десятка кандидатур хитрожопое руководство палаты выторговало оставить только меня, ссылаясь на то, что у них и без нас собралось множество людей и что мы – НБП – еще молоды, так сказать, «начинающая» партия. «Но вы, Эдуард Вениаминович, вы очень известны, мы не можем вам отказать». Они попытались засунуть меня в Комитет по культуре, но я настоял на обороне.

Я посетил лишь первое заседание. В доме Администрации Президента на Ильинке по лестницам во множестве поднимались грузные, животастые, часть их – лысые, чиновники. Комитет наш собрался в круглом зале. Когда я туда вошел, там уже в двух колоннах стульев (с проходом между ними) покоились чиновничьи тела. Я занял место где-то сзади. Там была сцена, на сцене председательские столы. Некоторые чиновники узнали меня и стали опасно оглядываться.

Вышел Юрий Петров – высокий седовласый бюрократ советского типа. Они выбрали президиум. И началось... Им предстояло выбрать секретаря – единственного, помимо председателя Петрова, оплачиваемого работника. Они конкурировали, яростно багровея. Одному генералу с лампасами даже стало плохо, и его вывели из зала под руки. Некий чиновник N защищал кандидатуру чиновника M, у которого хорошие связи в Госдуме, и настойчиво предлагал выбрать секретарем именно его. Юрий Петров агитировал за своего кандидата Y. Некий Z вышел к микрофону и стал убеждать присутствующих, что он осуществлял в свое время связь между Верховным Советом и правительством и ему, именно ему, все карты в руки, у него связей немерено, и выбрать следует только его. Они обвиняли друг друга, язвили, кричали даже, не забывая порой оглянуться на меня, чужого, но желание обладать секретарством пересиливало в них осторожность. Я разглядывал их, слушал и постепенно начал понимать, что они мне странно знакомы, с волосинами, прилипшими к черепу, с ушами, заросшими седым волосом, с необъятными талиями, с животами, вылазящими из штанов. Это же персонажи Гоголя, великого Николая Васильевича, люди из «Ревизора», и «Мертвых душ», и «Носа», и еще «Шинели». И еще из Грибоедова, из «Горя от ума». Вот генерал Скалозуб, вот Ноздрев, вот Молчалин, Фамусов – все типажи, все выжили, все сохранились, через полтора-два десятка лет – как новенькие! Среди этих мастодонтов в штанах (у нас ведь как в дореволюционном Китае – чем выше рангом чиновник, тем он жирнее, тем тяжелее, больше весит), в кожаном пиджачке, купленном на барахолке в Париже, я чувствовал себя как Чацкий.

Больше я туда не ходил. Хотя мне аккуратно еще с полгода высылали факсы с приглашениями на заседания и даже звонили: «Эдуард Вениаминович! Состоится заседание. Будут

обсуждаться чрезвычайно важные вопросы...» Когда создали несколько новых министерств, среди них таможенное, я увидел нескольких бывших соискателей из круглого зала уже в опереточных мундирах этого ведомства со многими звездами.

Ведь Великая Октябрьская революция была меньше столетия назад, а все эти древние типы выжили, чиновничьи образы. Почему?

Вопреки революциям и 1917, и 1991 годов, таким разным, направленным на разное, выжили и другие исконные российские типажи. Улицы больших городов России забиты ментами. Менты теперь в поездах, на границах, таможнях, при въездах в город и выездах, вдоль дорог, в метро, на площадях и улицах, у исторических памятников и у ларьков. Бесчисленное воинство, одетое в серые армяки. Множество совсем молодых, но расхлябанных, самоуправных, разбойничьих и зловещих физиономий, как на картинах Васнецова, Сурикова, Репина. Если отбросить автоматы, дать им в руки палаши и пики – получим стрелцов, опричников каких-то. Попади к ним в руки – узнаешь, избивают всегда, разбираются (если разбираются) – потом. В отделениях милиции царит самоуправство, палачество, пьянство, ругань, ненужная ненависть к своему же народу. На самом деле самая крупная экстремистская организация России – это МВД. В одном отделении милиции за одну ночь совершается больше правонарушений, чем якобы экстремистская организация РНЕ совершила за все годы ее существования, за десять лет! Больше!

Идя вместе с разгневанным народом 3 октября к Белому дому, сметая по пути ментов, я сам видел в милицейских машинах ящики с водкой, которые неожиданно оказавшийся сознательным народ разбивал тут же о бордюр тротуара: стоял густой спиртовой запах. Ни семьдесят лет большевистского правления, ни десять лет русской, но все же «демократии» на менталитет милиции никак не повлияли. У милиции по прямой палаческие традиции идут от пыточных дел мастеров, от Тайного приказа, от щипцов и ломов для перебивания костей. Менты воспринимают свою власть как абсолютную, вплоть до права в гневе наносить увечья и забить насмерть. Попал к ним человек – они делают с ним что хотят. Закон их совсем не останавливает, если и есть предел их личной разнузданности, то это боязнь личной ответственности. Даже если в МВД попадает вдруг честный современный молодой парень, он или вынужден стать таким, как требует их внутренняя ведомственная традиция, или он вынужден уйти, покинуть мир ментов.

А судьи кто? Еще до того, как я был арестован 7 апреля 2001 года, я несколько лет посещал суды по различным причинам. То как общественный защитник, то как председатель национал-большевистской партии, если судили наших. А нас судили все чаще. Меня поразило, что спустя сорок лет с тех пор, как я присутствовал на двух-трех судах над моими товарищами или одноклассниками той поры, в начале 60-х годов, – тип судьи остался тот же. В большинстве случаев это всегда женщина, молодая, или пожилая, или среднего возраста, не суть важно, но они одного типа. Ничто не сдвинулось в социальном смысле. У судей те же монашеские юбки, и те же монашеские пиджаки (когда они без мантии), и те же монашеские туфли без каблука. У них те же прически советских теток, сделанные навечно начесы. От них пахнет нафталином, музеем. При якобы демократии в 2001 году они судят так же, как судили при тоталитарном советском строе в его разгар, в 60-х годах. Они все так же получают зарплату и квартиры от государства и никогда не примут сторону частного лица против государства. Монашенки судят в пользу государства, которое содержит их старорежимный монастырь.

Сказанное о судьях можно сказать и о следователях. Это исторический, архивный тип людей. Пока с ними не сталкиваешься, считаешь, что таких типов уже нет на свете. Они все из фильмов про далекую историческую эпоху, которой якобы уже давно нет. Есть! И дают сроки, и держат тебя в клетке, они – мертвые, ты – живой.

А крестьяне, они же недавние колхозники, труженики сельского хозяйства? Если исключить телеантенны, крестьяне живут как в XVIII веке. И ведут себя как в XVIII веке. В иной деревне книги не найдешь. Ни в одной деревне нет книжного магазина и не продают газет. Даже в райцентрах нет. А ведь советская власть силой ввела всеобщее образование. И если бы они хотя бы десятую часть даже советских учебников усвоили, были бы светильниками знаний. Ничего такого не наблюдается. Заскорузлые типы ездят по мерзлым равнинам по своим убогим делам и даже детей перестали рожать – единственное оправдание их существованию. Ни детей не производят, ни пшеницы, пьяные ходят. Крестьянство?! Пьяные подавленные тени на полях.

Вывод из этих наблюдений: Россия – старая, в социальном смысле дряхлая страна. И это не старость здоровых традиций, но дряхлость умирания. Почему Россия такая устаревшая? Ведь в 1917 году была у нас революция, якобы радикальная, якобы сломавшая старые порядки. В 1991 году была еще одна, якобы «цивилизаторская», якобы демократическая.

Недавно, перед арестом, меня осенило. Россия живет по «адату», по понятиям, сложившимся из обычаев предков. Адат в мусульманском мире именно и означает традиционные обычаи предков, в противоположность шариату – кораническому закону мусульман, принесенному пророком Мохаммедом. Россия лишь старалась, делала вид, пыталась, но никогда, по сути, не жила по социализму, а сейчас не живет по капитализму, а уж тем более по демократии. Наш «адат», понятия оказались сильнее и социализма и капитализма. Это древние, реакционные и злобные обычаи, и потому сформированные ими архетипы судей, ментов, следователей, пенсионеров с неизменной психологией крепостных, мерзких чиновников (гениально увиденных Грибоедовым, Гоголем, Салтыковым-Щедриным), заносчивой старомодной интеллигенцией есть древние ущербные типы.

Чтобы состоялась новая Россия, насущно необходимо уничтожить злобные обычаи русского «адата» и тем самым остановить вечное воспроизводство убогих и отрицательных архетипов. Чтобы более не размножались гоголевские чиновники, не размножались музейные судьи и их монашеские туфли, деграданты-крестьяне, стрелыцы-менты. Чтобы старухи больше не размножались, чтобы племя покорных, трусливых, трепещущих перед властью не появлялось из поколения в поколение вновь и вновь в России, нужно уничтожить «адат». Старый мир следует разрушить ниже основания, разрушить так, чтобы выкорчевать все корни, все отрезки корней. Все институты России нужно будет создать заново. Ни одна из них не стоит того, чтобы быть сохраненной. Но созданы они должны быть только после тяжелой работы глубинного разрушения. Задача разрушения будет даже тяжелее и сложнее, нежели задача созидания. Ничто не должно быть оставлено. Следует сменить национальное мировоззрение. А в эту работу должна быть включена даже революция в выражениях лиц. Людей надо будет учить заново, с какими лицевыми гримасами ходить по улицам. Надо будет учить их позитивности и даже позитивному настроению.

Да, и настроению. Всем случается набрать не тот телефонный номер. Ну, палец там соскользнул или старая телефонная линия соединила неверно. Случается и мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.